

Темная харизма «человека-демона»

Мифологема Антихриста

Метафизическое «я» способно выводить личность далеко за пределы тех возможностей, которыми обладают «нижележащие» ипостаси человеческого «эго» — витальная, социальная и духовная. Существуют личности, чье метафизическое «я» обладает такой силой, что значительно превосходит аналогичные способности большинства обычных людей. Этот высший дар, или харизма, в силу своей амбивалентности, несет в себе либо колоссальный созидательный потенциал, либо огромную разрушительную энергию. В первом случае харизматичность проявляется как светлый дар богоизбранничества, как творческий гений, а во втором — как темная печать гения зла и демонической способности творить невиданные преступления и разрушения.

Тема сумеречных харизм и судеб незаурядных личностей, которым покровительствует Дух зла, составляет один из сквозных сюжетов мировой религиозной и художественно-философской мысли. Ее всегда занимало то, почему необычайная личная одаренность способна окрашиваться в темные тона приверженности имморальным и преступным целям, по каким причинам деятельность харизматической личности обретает вид вереницы следующих друг за другом злодеяний.

Издавна проблема темной харизмы рассматривалась в связи с традиционной мифологемой Антихриста, о кото-

ром сложились два вида представлений. В одном случае это предания о грядущем пришествии человека, действующего по наущению дьявола. Старинные пророчества издавна предупреждали, что он станет выдавать себя за Христа, являясь его антиподом, его страшной карикатурой, воплощенным злом в маске добра. Будучи чудовищным лицемером, отрицая заповеди Бога и все нравственные принципы, он воцарит в мире, где «люди будут себялюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злоречивы, непослушны родителям, неблагодарны, нечестивы, немилостивы, неверны слову, клеветники, невоздержанны, безжалостны, чужды любви к добру, предатели, наглы, напыщенны, любящие наслаждение больше Бога» (2 Тим, 3, 2–4).

Кроме этой мифической модели будущего мирового узурпатора возникали представления, в которых Антихрист отождествлялся с реальными историческими лицами — императорами, завоевателями, крупными государственными деятелями. В их личностях словно концентрировалась энергия мирового зла, способная производить мощный разрушительный эффект. Осененные темными харизмами, они, несмотря на попытки разыгрывать роли благодетелей народов, сеяли вокруг себя, по преимуществу, страх и ненависть.

Во второй половине XIX века проблемы темной харизмы заняли заметное место в творчестве Ф. Ницше. Философ предпринял попытку создать «идеальный тип» харизматической личности, такую ее философскую модель, которая шла вразрез с традиционными христианскими представлениями о нравственности, гуманности, справедливости.

Ницше изначально наделил своего вымышленного сверхчеловека темной харизмой, видя в ней высший знак отличия от обычных людей, придерживающихся в своем поведении общепринятых нравственных норм.

Созданный фантазией мыслителя-поэта пророк Заратустра предстал как «пятый евангелист», вещающий о грядущем приходе нового сверхчеловека, создающий вокруг него ореол из пророчеств, символов, метафор и тем самым формирующий необходимую харизму.

Но вернемся, однако, к Достоевскому. Предпринятый нами небольшой экскурс позволяет подойти к наиболее загадочному из всех его героев — Николаю Ставрогину — с позиций метафизической социологии. Это возможно по той причине, что концепт харизмы, несмотря на его колоссальное метафизическое содержание, успешно социологизированный в XIX веке Максом Вебером, несет в себе значительный эвристический потенциал.

Ставрогин — харизматическая личность

Личность Ставрогина, отличающегося «необыкновенной способностью к преступлению», окутана в романе полутьмой загадочности. Едва освещаются лишь отдельные эпизоды его прошлой и настоящей жизни.

Эта незаурядная фигура производила, как правило, ошеломляющее впечатление на всех, кто с нею сталкивался. Причина подобного эффекта заключалась в том, что Ставрогин являл собой пример избыточной одаренности человеческой природы. Внутри него присутствовали огромные силы, не находившие благого применения. Титанизм его духа, чуждого гармонии, не признающего «золотой середины», требовал безмерности и признавал своей родной средой стихию вненормативности, вседозволенности. Не случайно Петр Верховенский выбрал именно Ставрогина на роль будущего Антихриста, темного гения человеческого рода.

Примечательная особенность Ставрогина, помешавшая ему пойти за Верховенским, — его раздвоенность. Достоевский не случайно наделил его фамилией, производной от греческого слова «ставрос» — крест. Его постоянно тянули в разные стороны, как бы распиная, противоположные устремления, заставлявшие в одно и то же время, например, насаждать в сердце Шатова идею Бога, а в разум Кириллова идею богоборчества. При этом он умудрялся быть искренним в обоих случаях, не лицемеря ни перед тем, ни перед другим. Это его свойство позволило Вяч. Иванову сказать, что Ставрогин, будучи изменником перед Христом, был неверен и Сатане.

Достоевский еще в период подготовки к написанию «Бесов» обозначил присутствие в Ставрогине демонических черт, предположив, что будущий герой будет «обвожигителен как демон». Это означало его осужденность харизмой избранничества отнюдь не благого свойства.

На протяжении романа ставрогинскому «я» было уготовано пребывание в духовном мраке. В силу каких-то таинственных причин, не ясных ни окружающим, ни самому Ставрогину, он был лишен способности к любви, творчеству и состраданию.

Демоническое начало проявилось в Ставрогине как дух непомерной гордыни. Этот первый среди семи смертных грехов заставлял его злоупотреблять свободой, отрицать авторитеты и общепринятую иерархию ценностей, пренебрегать различием между высоким и низким.

Многое из того, что считается людьми низменным, позорным, преступным, временами начинало притягивать его с неодолимой силой, подобно тому, как человека может притягивать бездна, рождающая желание заглянуть в нее, чтобы испытать смешанное чувство ужаса и удовлетворения. Внутренний демон заставлял Ставрогина отыскивать

некое особое удовлетворение в приходящем за грехом или преступлением слишком ясном сознании своего унижения и позора. И Ставрогин почти никогда не выказывал сопротивления зову своего темного искушителя, словно сознавая себя пребывающим на службе у демона.

Во время встречи со старцем Тихоном Ставрогин спросил, можно ли верить в беса, совсем не веруя при этом в Бога. Тихон отвечал ему: «О, очень можно, сплошь и рядом». Этим ответом старец укрепил собственные аналогичные предположения Ставрогина.

Человек беззакония

Вяч. Иванов назвал Ставрогина «отрицательным русским Фаустом». Дополняющее определение «отрицательный» означало, что в Ставрогине угасла любовь к жизни, а с нею и возвышенная устремленность духа, которая спасла гетевского Фауста и в итоге уберегла его душу от Ада.

Вместе с тем Ставрогин крупнее и несравнимо «демоничнее» Фауста, поскольку идет гораздо дальше, чем тот, в своей трансгрессии и в своем имморализме и негативизме. Асоциальность в ее наиболее темных проявлениях буквально завораживает его и заставляет временами приближаться к роковой черте, чтобы, увидев множество людей по эту сторону, ринуться очертя голову через нее.

Если Фауст не решался посягнуть на высшие нравственные абсолюты и в своем скепсисе не дошел до последнего «ничто», то Ставрогин — человек беззакония и беспредела, не просто придвинувшийся к самому краю открывшейся ему бездны тотального отрицания, но и решившийся испытать себя отчаянным броском в нее.

Ставрогин, по всей видимости, вполне мог заявить, подобно Фаусту, что «две души живут в моей душе боль-

ной». Присутствие обеих, ночной и дневной, он ощущал весьма отчетливо. Его ночная душа временами обретала для него зримые формы, и тогда он видел подле себя нечто злобное и насмешливое в разных лицах и характерах. Примечательна его оценка этих видений: «Это я сам в разных видах, и больше ничего».

Раздумья над своеобразием ставрогинской природы привели С. Булгакова к мысли о сходстве внутреннего мира героя «Бесов» с содержанием кубистических полотен молодого Пабло Пикассо. Посетив в 1914 году выставку картин из галереи Щукина, Булгаков признавался, что, рассматривая работы Пикассо, много думал о Достоевском. В них он как бы воочию увидел образ мрачного «подполья», зрелище распада человеческого духа, атмосферу муки и мрака. Там же у философа возникло предположение, что если бы Ставрогин писал картины, то из-под его кисти наверняка рождались бы образы, весьма напоминающие картины Пикассо, ибо герой Достоевского видел метафизический мир своим внутренним взором приблизительно так же.

Стиль художника — непросветленный, ночной, демонический. От его картин исходит мистическая сила дьявольской духовности, и они производят впечатление каких-то «черных икон», опаленных адским пламенем. Зрителя захватывает атмосфера мистерийной жути, а сознание завлакивается удушьем могилы. Заглянув в запредельный мир метафизики зла, Пикассо обнаружил, что за материальными покровами человеческих тел кроются демонические сущности, пронизанные «злостью и геометрией». И Булгаков вопрошает: «Какой же ад должен носить в душе сам художник?». Его кисть, напоенная ядом, создает ощущение повсеместного присутствия духа зла. Таковой, очевидно, реальность представлялась и Ставрогину, этому

«медиуму черной благодати», одержимому силами тьмы, греха и преступления.

Темная харизма, осенившая дух Ставрогина, лишила его возможности ощущать присутствие Бога в мире. Надвигались «сумерки кумиров», и тьма, начавшая медленно застилать горизонт над славянским и европейским мирами, была многообещающей для харизматических личностей такого масштаба, как Ставрогин. Но Достоевский поспешил повесить своего гражданина кантона Ури. И как знать, может быть, впоследствии он и жалел, что поторопился с актом справедливого возмездия: слишком уж перспективной в социально-историческом плане оказалась фигура «человека-демона».